САРАТОВЪ. 7-го июля.

Грандиозный процесс интентадентов въ Москвѣ окончился. Продолжительное судопроизводство дополнило данные ревизии сенатора Гарина, вскрыло и освѣтило сложный механизмъ махинацій съ военными поставками, установило несомнѣнную виновность огромнаго большинства обвиняемыхъ—и судъ вынесъ приговоръ, суровый и строгій, но вымѣстѣ съ тѣмъ справедливый. Не помогли десятки рѣчей защитниковъ и „последнія слова“ интентадентовъ, не помогли призывы къ великому моральному принципу „все прощать“ и указанія на рану и личныя страданія многихъ изъ обвиняемыхъ, не помогли гонорары адвокатовъ. Судъ поднялъ карающую мечъ и опустил на головы преступниковъ.

Нельзя сказать, чтобы наказанія, присужденныя отдѣльнымъ интентадамъ, поразили воображеніе: въ приговорѣ суда нѣтъ довольно обычныхъ теперь каторжныхъ работъ и ссылкок на поселеніе. И хотя всѣ осужденные лишены чиновъ (а покуда довольно высокій), орденовъ, которые считались чуть не сотнями, особыхъ правъ и преимуществъ, хотя огромное большинство обвиняемыхъ присуждены къ арестантскимъ ротамъ и лишъ три человѣка къ заключенію въ тюрьмы, все же сроки заключенія сравнительно невелики: самое большее—три года, для огромнаго же большинства годъ, да и то приговоръ не выдѣляетъ еще въ окончательную форму и, вѣроятно, до извѣстной степени будетъ смягченъ.

И тѣмъ не менѣе приходится сказать, что приговоръ былъ не только справедливымъ, но и достаточно суровымъ. Видъ надо же принять во вниманіе, кѣмъ были заняты скамьи подсудимыхъ, надо принять во вниманіе всю совокупность условий, среди которыхъ приходится дѣйствовать и ревизіямъ и судамъ, надо вспомнить случаи, когда преступники отдѣлялись значительно меньшими наказаніями, а часто и совсѣмъ ускользали отъ правосудія. А главное то, что передъ судомъ фигурировали не одинъ, не два интентада, а цѣлая армія. Приговоръ въ той или другой степени коснулся 53 человѣкъ, которые вращались огромнымъ интентадскимъ дѣломъ въ Москвѣ. Жертвы приговора настолько многочисленны, что отдѣльныя лица отходить на задній планъ,—стираются, выстуаетъ же цѣлое учрежденіе, разваленное и разлагающееся, разложившееся и быстро разлагающееся другихъ. Не отдѣльныя только интентадентовъ осудилъ судъ, а все учрежденіе, въ котораго большинство дѣятелей одна лишь дорога—въ арестантскія роты.

Обществу несомнѣнно будетъ удовлетворено этимъ приговоромъ и не потому, чтобы въ обществѣ жилъ духъ мести, не потому, чтобы ему улыбалась перспектива разгрома свыше пятидесяти семействъ, не потому, что арестантскія роты получатъ много новыхъ питомцевъ. Общество съ великою радостью отказалось бы отъ подобнаго мѣра, если-бы имѣлись другіе способы возмездія, если-бы интересы государства и прохоты черезъ его руки милліарды суммъ можно было обезопасить, не прибѣгая къ деснигѣ суда. Но въ сожалѣнія великое правило „все прощать“—все прощать“ еще слышомъ далеко отъ жизни и меньше всего примѣняется какъ разъ именно къ жизни тѣхъ десятковъ милліоновъ людей, здорѣемъ и средствами которыхъ злоупотребляли интентады. Эти десятки милліоновъ людей привыкли видѣть, какъ поступки, подобныя интентадскимъ, благополучно сходятъ съ рукъ многимъ и многимъ—и они попендѣ хватаются за судъ, чтобы хоть здѣсь найти себѣ защиту отъ неминуемо разросшихся ашкетеровъ служилого люда. И приговоръ московскаго суда потому именно и важенъ, что онъ хоть до нѣкоторой степени ослабляетъ чувство безнаказанности, что онъ въ нѣкоторой степени оздоравливаетъ тяжелую атмосферу и подчеркиваетъ, что взятка—караемое явленіе, что взятка—не обычай и не право, а преступленіе.

Мы говоримъ—до нѣкоторой степени, ибо несомнѣнно, что вартельная мѣра, какъ онъ ни неизбѣжна и ни полезна, особенно при нѣгнѣшнихъ условіяхъ общественной жизни, сами по себѣ уничтожить хищенія и взятки не въ силахъ. И не одинъ кн. Менцерскій думаетъ, что наказанія новыя съ легкостью взяткою, но и только. Такая точка зрѣнія несомнѣнно преувеличена: званіе тяжкой ответственности какъ ни какъ многихъ удержитъ отъ путешествій по дорогѣ, ведущей въ концѣ концовъ въ арестантскія роты. Это отряцать не приходится. Но, повторяемъ, однихъ карательныхъ мѣръ мало; одновременно съ ними нужны и другія средства для оздоровленія различныхъ сторонъ общественной жизни, а въ томъ числѣ для очистки автѣвскихъ конюшенъ интентадства. Необходима реорганизация какъ отдѣльныхъ учрежденій, такъ и общихъ условий дѣятельности, необходима систематическая и послѣдовательная работа въ этомъ направленіи. Если же дѣло ограничится одними карательными мѣрами, „условія“ же останутся прежніе—даже массовая осужденія принесутъ сравнительно небольшую пользу.

Въ Саратовѣ зареги-стрированы первый колерный случай. Умеръ старикъ Матѣевъ, пролежавшій болѣзнь нѣсколько дней. Такииъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ смертей отъ остриоживающаго разстройства, послѣ вообще усилена гатическая заболѣванія, явилась на-стоящая азиатская холера. Колерный сезонъ открытъ, и теперь начинаютъ поговаривать о борьбѣ съ нею. У насъ всегда такъ. О борьбѣ съ врагомъ начинаютъ говорить тогда, когда врагъ проникъ уже въ наши

Забывая бесѣдка. Стоишь ты сиротой въ зарѣженномъ саду; Лишь дикій виноградъ обвилъ тебя собою. Съ тяжелымъ сердцемъ я всегда къ тебѣ иду И на скамью сажусь съ повисшею головою. Но думъ своихъ тебѣ я не пошлю. Завѣсь тебѣ ихъ вѣять? Ты много ужъ узнала, Когда въ былые дни, неся весѣй прѣвѣтъ, Топла нарядная вблизи тебя гуляла. Съ обвѣвшей краскою, стоишь въ тѣни куватовъ, Ты будто-бы ушла въ свои воспоминанья, Когда къ тебѣ несли, подъ таой ралухиной кровлѣ, Надежды и любовь, и тяжкія страданья...

Игра въ банкѣ. И я, и вы, читатель, и всѣ мы, русскіе обыватели, всѣхъ ранговъ и положеній, стѣ пресвѣтлаго профессора до неграмотнаго рабочаго, отъ нищаго до могущественнаго банкира, отъ министра финансовъ до самаго маленькаго чиновника, всѣ мы—игроки. Азартныя и несправедливыя. Каждый изъ насъ занимается своимъ дѣломъ: кто «предписываетъ», кто эти предписанія выполняетъ; кто учитъ, кто учится; кто выигрываетъ и «исходившими» и «исходившими» вѣдаетъ; кто по торговой части промышляетъ, кто всякую черную работу на своей шеѣ несетъ; кто различными аферами пробаивается, кто избралъ еще болѣе

владѣнія, занявъ въ ней позицію и приступая къ урбанистическимъ. Въ мирное время мы безвѣны, какъ мятежники, живемъ текущими днями, дѣятельность же начинаемъ проявлять только тогда, когда врагъ вторгается въ наше жилище, когда смерть посягается на пороги и начинается угроза намъ и нашимъ близкимъ.

Прошлой зимой, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и натискомъ мѣстныхъ культурныхъ силъ и спеціальныхъ обществъ, гор. Дума вторично кредитовала на санитарную организацію. Мы помнимъ, какое торжество вызвала въ обществѣ эта «побѣда» и какъ зло смѣялись надъ городскимъ головой, который, выступивъ «принципальнымъ» противникомъ санитарной организаціи, вынужденъ былъ присутствовать при арбітражѣ, когда его «принципы» разбивались и уничтожались. Но мы забыли тогда о простой истинѣ—что смѣется тогда, кто смѣется послѣднимъ. Ибо въ концѣ концовъ восторжествовало не общество, а г. Коробовъ: онъ просто спрятавъ подъ сукно думское постановленіе, и Саратовъ до сихъ поръ обходится безъ санитарной организаціи...

Въ Саратовѣ проводится канализація, но въ Саратовѣ нѣтъ санитаріи; у насъ есть трамвай, водопроводъ, электрическое освѣщеніе,—но у насъ нѣтъ набережной, берегъ Волги превращены въ клоаку; но у насъ есть овраги, въ которыхъ населеніе задыхается отъ смрада, нечистоты, гдѣ дѣти мрутъ отъ малярии, дѣвственны. Наряду съ культурной центра—настоящая кладбища на окраинахъ, населеніе которыхъ, благодаря санитарно-гигиеническимъ условіямъ, обречено на медленную, но вѣрную гибель...

Каждъ выдѣте, въ Тявизѣ имѣется даже канализація, какой де сикъ поръ не имѣетъ нашъ «двумилліонный» культурный центръ—Петербургъ. Не правда ли, сравненіе для насъ не очень то благоприятное. Обратимся теперь къ китайской каторжной тюрьмѣ. Но что въ Тявизѣ несомнѣнно заслуживаетъ серьезнаго вниманія европейцевъ, продолжаетъ корреспондентъ «Нов. Вр.»—интересующихся въ особенности пенитенциарными вопросами,—это образованіе каторжниковъ. Какъ и во всѣхъ каторжныхъ тюрьмахъ, здѣсь существуютъ обязательныя работы, но здѣсь они не имѣютъ карательнаго, а потому въ продуктивномъ отношеніи безцѣльнаго характера, въ родѣ чистяныя половъ, копки дерьма и т. д. Въ тявизинской каторжной тюрьмѣ устроено десять различныхъ мастерскихъ: ткацкая, столярная, слесарная, гончарная, лаковая, чертежная, вышивальная и т. д. Каждый заключенный выбираетъ себѣ ремесло по своему собственному усмотрѣнію и вкусу. Если ремесло ему нравится, онъ ходитъ въ мастерскую и присматривается къ работѣ, пока не научится. Во время работъ арестанты должны соблюдать полное молчаніе, не имѣя права отвѣчать даже на вопросы надзирателей, которыми также строго возбранено обращаться къ заключеннымъ съ вопросами или замѣчаніями. Работы продолжаются 4 часа, съ 2 часовъ пополуночи до 6 часовъ. Всѣ арестантскаго труда будутъ проданы (при конторѣ тюрьмы имѣется выставка всѣхъ образцовъ этихъ работъ, не уступающихъ по чистотѣ и изяществу отдѣлкѣ лучшимъ мастерскимъ), но опредѣленная часть денегъ записывается на счетъ заключеннаго и выдается ему по выходѣ изъ тюрьмы.

Всѣ арестанты очень чисто одѣты въ платье европейскаго покроя кирпична-оранжеваго цвѣта; въ видѣ гатическихъ сооружений коротко острижены, не менѣе два раза моются въ банѣ; стоишь—обычно китайскій, продовольствіе обходится около 3 руб. въ мѣсяцъ, т. е. немногимъ менѣе солдатскаго. Въ началѣ каждого года за хорошее поведеніе и усердную работу арестанту наливается на руки особая наливка, дающая право на укушенный столъ, салуочку такая наливка выкутъ за собою другія различныя льготы, а опредѣленное число ихъ объявляетъ время казненія. На сѣдланный конь просятъ его за само, и такимъ образомъ осужденный на 20-лѣтнюю каторгу можетъ рассчитывать окочить ее въ срокъ 10—12, а то и меньше лѣтъ.

Рѣзь въ недѣлю всѣ арестанты занимаютъ гимнастическія, три раза гратностно, тѣ же, кто пропалъ уже изначальную школу, копка рѣзь въ вѣснцѣ заключенныхъ собираютъ для нравственнаго безія и обученія хорошему лѣно, для чего имѣется особое помещеніе—классъ, съ казеной и даже физзарядкой.

Размѣщаются арестанты въ камерахъ по

Становится жутко и страшно... Валь—дожль! — Уф!.. Папа! И мужикъ панъ, и русскій обыватель панъ. На цѣлый годъ. И у гатической дѣла иуды, и у чиновниковъ дѣла иуды, и у торговцевъ, и у рабочицъ, и у всякаго рода аферистовъ, вплоть до «художниковъ» по карманной части—у всѣхъ дѣла иуды.

А болѣе всего—у министра финансовъ въ государственнаго казначейства поступають сотни милліоновъ «свободной наличности». Не иуды дѣла только у нѣсколькихъ хлѣбныхъ спекулянтовъ. Но въ выдѣжъ. У нѣхъ карманъ набиты достаточноту, чтобы переждать до слѣдующей, новой «партіи».

А всемоу опять начинается та же азартная игра. И снова въ концѣ мая и началѣ іюня страсти игроковъ разгораются. Слова рѣшительный моментъ. — Ва-банк!

Что то несеть роковая карта? Дожль? Градъ? Мгла? Засуха? Панъ—иль пропазъ? Вацъ—засука! Мгла! Градъ! Карта бита! Банкъ сорван! — Пропазъ!

И мужикъ пропазъ, и его союзники чувствъ въ ватлякахъ, да цунають иуды кошельки, и рачетчики министра финансовъ терять крахъ. Скопленная при удачной игрѣ прежнихъ лѣтъ свободная наличность уходитъ на поддержаніе того же мужика.

Карта бита, банкъ сорванъ—и всѣ въ болѣе проигрившъ. Зато хлѣбный спекулянтъ ликуеть, и привлекательной рукой забрѣгаетъ въ машину груды золота...

Такъ продолжается у насъ и въ годъ. Много лѣтъ. Такъ много, что мы какъ будто и не замѣчаемъ ужъ, что все наше сравнительное матеріальное благополучіе

„Просыпающийся“ Китай.

Вернувшись съ Дальняго Востока А. И. Гучковъ настроенъ воинственно Ради «интересовъ», представляющихъ для огромнаго большинства населения Россіи буквально такъ выдѣнное яйцо, лидеръ октябристовъ потрясаетъ мечомъ и раздвѣгаетъ русско-китайскую вражду, точно забывъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыми онъ нагугулся въ Китай и которая должны бы встать его думать о мирѣ, а не войнѣ. Между тѣмъ корреспондентъ «Нов. Времени», побитившій видѣтъ съ А. И. Гучковымъ «культурный уголокъ» Китая—Тявизия, рисуетъ картину настолько поучительную, что и Гучковъ не мѣшаю бы поменше думать о «разрубаніи узловъ» и болѣе стремиться къ восстановленію добрососѣдскихъ отношеній съ могучей китайской имперіей, не «просыпающейся», а уже проснувшейся.

Современный «просыпающийся» Китай, какъ въ зеркалѣ, отразился въ Тявизіи. Огромный, почти съ милліоннымъ населеніемъ китайскій городъ, быстро воспринявшій многа стороны европейскаго благоустройства: канализація, водопроводъ, телефонъ, электричество. Для школы, какъ и въ Тявизіи, такъ и строятся, выстроены по образцу японскихъ школьныхъ здоріевъ огромные, европейскаго типа, дома; высшее техническое училище, тоже прекрасно обставленное, а равнымъ образомъ ремесленныя и профессиональныя мужицкія и женскія училища по практической постановкѣ дѣла не уступають европейскимъ.

Какъ видите, въ Тявизіи имѣется даже канализація, какой де сикъ поръ не имѣетъ нашъ «двумилліонный» культурный центръ—Петербургъ. Не правда ли, сравненіе для насъ не очень то благоприятное. Обратимся теперь къ китайской каторжной тюрьмѣ. Но что въ Тявизѣ несомнѣнно заслуживаетъ серьезнаго вниманія европейцевъ, продолжаетъ корреспондентъ «Нов. Вр.»—интересующихся въ особенности пенитенциарными вопросами,—это образованіе каторжниковъ. Какъ и во всѣхъ каторжныхъ тюрьмахъ, здѣсь существуютъ обязательныя работы, но здѣсь они не имѣютъ карательнаго, а потому въ продуктивномъ отношеніи безцѣльнаго характера, въ родѣ чистяныя половъ, копки дерьма и т. д. Въ тявизинской каторжной тюрьмѣ устроено десять различныхъ мастерскихъ: ткацкая, столярная, слесарная, гончарная, лаковая, чертежная, вышивальная и т. д. Каждый заключенный выбираетъ себѣ ремесло по своему собственному усмотрѣнію и вкусу. Если ремесло ему нравится, онъ ходитъ въ мастерскую и присматривается къ работѣ, пока не научится. Во время работъ арестанты должны соблюдать полное молчаніе, не имѣя права отвѣчать даже на вопросы надзирателей, которыми также строго возбранено обращаться къ заключеннымъ съ вопросами или замѣчаніями. Работы продолжаются 4 часа, съ 2 часовъ пополуночи до 6 часовъ. Всѣ арестантскаго труда будутъ проданы (при конторѣ тюрьмы имѣется выставка всѣхъ образцовъ этихъ работъ, не уступающихъ по чистотѣ и изяществу отдѣлкѣ лучшимъ мастерскимъ), но опредѣленная часть денегъ записывается на счетъ заключеннаго и выдается ему по выходѣ изъ тюрьмы.

Всѣ арестанты очень чисто одѣты въ платье европейскаго покроя кирпична-оранжеваго цвѣта; въ видѣ гатическихъ сооружений коротко острижены, не менѣе два раза моются въ банѣ; стоишь—обычно китайскій, продовольствіе обходится около 3 руб. въ мѣсяцъ, т. е. немногимъ менѣе солдатскаго. Въ началѣ каждого года за хорошее поведеніе и усердную работу арестанту наливается на руки особая наливка, дающая право на укушенный столъ, салуочку такая наливка выкутъ за собою другія различныя льготы, а опредѣленное число ихъ объявляетъ время казненія. На сѣдланный конь просятъ его за само, и такимъ образомъ осужденный на 20-лѣтнюю каторгу можетъ рассчитывать окочить ее въ срокъ 10—12, а то и меньше лѣтъ.

Рѣзь въ недѣлю всѣ арестанты занимаютъ гимнастическія, три раза гратностно, тѣ же, кто пропалъ уже изначальную школу, копка рѣзь въ вѣснцѣ заключенныхъ собираютъ для нравственнаго безія и обученія хорошему лѣно, для чего имѣется особое помещеніе—классъ, съ казеной и даже физзарядкой.

Размѣщаются арестанты въ камерахъ по

Становится жутко и страшно... Валь—дожль! — Уф!.. Папа! И мужикъ панъ, и русскій обыватель панъ. На цѣлый годъ. И у гатической дѣла иуды, и у чиновниковъ дѣла иуды, и у торговцевъ, и у рабочицъ, и у всякаго рода аферистовъ, вплоть до «художниковъ» по карманной части—у всѣхъ дѣла иуды.

А болѣе всего—у министра финансовъ въ государственнаго казначейства поступають сотни милліоновъ «свободной наличности». Не иуды дѣла только у нѣсколькихъ хлѣбныхъ спекулянтовъ. Но въ выдѣжъ. У нѣхъ карманъ набиты достаточноту, чтобы переждать до слѣдующей, новой «партіи».

А всемоу опять начинается та же азартная игра. И снова въ концѣ мая и началѣ іюня страсти игроковъ разгораются. Слова рѣшительный моментъ. — Ва-банк!

Что то несеть роковая карта? Дожль? Градъ? Мгла? Засуха? Панъ—иль пропазъ? Вацъ—засука! Мгла! Градъ! Карта бита! Банкъ сорван! — Пропазъ!

И мужикъ пропазъ, и его союзники чувствъ въ ватлякахъ, да цунають иуды кошельки, и рачетчики министра финансовъ терять крахъ. Скопленная при удачной игрѣ прежнихъ лѣтъ свободная наличность уходитъ на поддержаніе того же мужика.

Карта бита, банкъ сорванъ—и всѣ въ болѣе проигрившъ. Зато хлѣбный спекулянтъ ликуеть, и привлекательной рукой забрѣгаетъ въ машину груды золота...

Такъ продолжается у насъ и въ годъ. Много лѣтъ. Такъ много, что мы какъ будто и не замѣчаемъ ужъ, что все наше сравнительное матеріальное благополучіе

Мимиходомъ.

Кое-что о чистотѣ и семейныхъ добродѣтеляхъ. И «Другъ», скорбійшій о разложеніи семейственныхъ началъ, и «Несаратовецъ»—о потерѣ своей добродѣтели—въ сущности сходятся на одномъ выводѣ. Для нихъ—кафе-штанганъ корень всѣхъ социальныхъ и моральныхъ бѣдъ. И первый изъ нихъ вопиетъ о разложеніи брачнаго института, второй—нарушенія личной чистоты. Такимъ образомъ избраны два момента изъ жизни человѣка: до брака и послѣ брака.

Несаратовецъ дѣлаетъ важное молчалие: кафе-штанганъ отнимаетъ у молодежи и первую любовь и исторгаетъ у нея и первую слезу. Къ ногамъ кафе-штанганной субретки несутъ и сердце, и чистоту, и всѣ прочія добродѣтели.

Страшная соня, да милостивъ Богъ! Подумаешь, какая въ самомъ дѣлѣ мутная притягательная сила у бѣднцъ «Тамаръ», «де-Роганъ», «Кавалери» и прочихъ знаменитостей саратовскаго производствія! Для «Несаратовца»—штанганъ волчьа яма, куда влечетъ его невѣдомая сила. «Несаратовецъ» не можетъ представить себѣ первую чистую юномужскую любовь безъ этихъ «дамъ» и безъ содѣйствія эрихсонскаго «боба».

На меня всѣ ламетаціи «Несаратовца» производять тяжелое впечатлѣніе. Я не желаю дѣлать какихъ либо заключеній на счетъ моральнаго багажа «Несаратовца», но не могу удержаться отъ одного замѣчанія, прямо и категоричнаго изъ сентенцій автора писемъ. Что, собственно, представляетъ личность человѣкъ, который несетъ свою «первую любовь и первую слезу» въ штанганъ?

Пусть г. Несаратовецъ поразмыслитъ надъ этимъ... Что касается саратовцевъ, то я думаю, что они еще не дошли до такого паденія...

Первая любовь и первая слеза! Какъ опоминиши господя ивъ разряда «несаратовцевъ» эту первую любовь, которую переживала когда то молодежь, переживая въ одиночествѣ, лѣзя про себя отъ стыдливости, болѣе и чистое чувство. Чувство, будившее въ душѣ лучшіе инстинкты, очищающее сердце, дѣлавшее возвышенными помыслы и

Оптимистъ.

семи человѣкъ, свѣтлыхъ, очень чисто одѣтыхъ и хорошо провѣтриваемыхъ. Коридоръ камеръ расположился по пяти рядкамъ отъ центра, въ которомъ находится часовая, кромѣ того ночью коридоры обогатили дежурными надзирателями. На европейскій взглядъ назоръ за арестантами и охрана весьма слаба, такъ какъ направились мастерскія, несмотря на то, что работающіе въ нихъ арестанты выносятся на руки инструкторовъ вплоть до туалета, вѣста женовъ и т. п., охраняются всею однимъ часовымъ; у входа; къ тому же мастерскія во время работъ не запираются. И несмотря на это, ни одного случая побѣга или бунта за четырехлѣтнее существованіе тюрьмы не было.

А въ мѣсяцъ до сихъ поръ считаеиъ китайцевъ почему-то варварами, до сихъ поръ думаемъ, что китайцы должны учиться у насъ, а не мы у китайцевъ. Между тѣхъ у этихъ «варваровъ» въ каторжной тюрьмѣ зарѣшены всѣмъ тѣлеснаго наказания.

Остается сказать о наказаніяхъ, назначаемыхъ на арестантовъ; насколько удалось намъ выяснить, они заключаются въ уменьшенія пищи, въ заключеніи въ свѣтлый или темный карцеръ, въ проленіи срока каторги. Тѣлеснаго наказания по закону запрещены, но видимо практикуются. Рѣдко, но мѣня мѣраютъ, когда увидѣли сосальскаго, а затѣмъ строгое учене батальона (400 чел.) волонтеровъ; глаза откармливали вѣрять, что это были «китайцы» и притомъ не хорошо обученные солдаты, а приказчики, авоичники, мелкие служакіе и т. д.

Такимъ образомъ, китайская милліонъ войскъ не мѣя и не фантазия. Если корреспондентъ «Нов. Времени» былъ «пораженъ» видомъ строевого учения батальона милиціи, то еще болѣе поразило бы его «ученіе» регулярной арміи, начавшей уже обзаводиться и воздушнымъ флотомъ.

Словомъ, Китай не «просыпается», а уже «просыпается»—и такъ проснувшись, по многимъ отношеніямъ успѣлъ опередить насъ.

Пора бы подумать о томъ, чтобы оставить Китай въ покоѣ и добиваться дружбы его, а не вражды. Надо уйти изъ Маньчуріи—и это сразу распукаетъ гучковскія уды. Сабиръ Китаю сама по себѣ не нужна и опасаться за нее не слѣдуетъ. Нужно лишь приучить себя къ мысли жить въ мирѣ съ могучими сосѣдями и помнить, что интересъ России безвѣчно выше «интересовъ» 60,000 «культуртрегеровъ», завѣсившихъ въ Харбинѣ и около него.

Обзоръ печати.

Конецъ процесса московскихъ интентадентовъ. Закончился колоссальный процессъ московскихъ интентадентовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, судъ вынесъ обвинительный приговоръ. Въ «Русск. Слово» г. Апенский даетъ интересное описание суда въ послѣдній, роковой для 53 человѣкъ, день.

Ясно, что обвинительный приговоръ неизбеженъ, пишетъ онъ. Поимамъ его и сами подсудимые, и потому такъ мрачны.

И сказалъ бы, какъ черны изъ лица. Въ двѣнадцатомъ часу урочъ начинаеться окликивание. Со всѣхъ концовъ коридоровъ, низвъ въ бѣгутаго зала созываютъ обвиняемыхъ.

Наскоро прощаются они со своими родными, близкими. Кто плачетъ уже теперь. Въ залѣ слышатъ защитники, публики.

Появляется прокуроръ. На судейскомъ столѣ зажимають свѣчи.

Итоги и выводы. Въ своей статьѣ объ интентадскомъ процессѣ «Русск. Вѣдомости» указываютъ, что столь грандиозный размахъ хищеній въ значительной степени объясняется канцелярскою волокитой. Волокиты создавала условія, крайне благоприятныя для вѣточничества. И это не было тайной. Даже болѣе.

Оба интентадскихъ прииска и злоупотребленія знали очень много, и въ которые офицеры командировались въ интентадство для «поправки». Возбужденіе преслѣдованіе не по инициативѣ военнаго вѣдомства, а по инициативѣ чуждаго интентадскаго сенатора Гарина. Тѣ лица, которые могли бы и должны бы были предупредить злоупотребленія, во это не знали на скамьи подсудимыхъ не слышатъ вѣточники изъ нихъ отдѣляются отъ своихъ постахъ. Измѣнятся ли что нибудь въ самомъ вѣдомствѣ, основныя черты организаціи котораго останусъ неизмѣнными?

Матчи. Кто изъ насъ не переживаетъ этого счастливаго періода и кто не вспоминаетъ о немъ съ восторгомъ умилена, ибо дѣйствителъ были тогда мечты юности, ибо эта первая любовь казалась въ немъ добротѣ и сиду...

Повидимому, у Несаратовца первая любовь ассоцируется съ падениемъ, громящимъ къ тому же его потомству...

Мнѣ кажется, что обрамась со своимъ «попеломъ» въ газету, онъ просто описалъ дѣрзость: здѣсь газета не причеиъ, надо обратиться къ врачу спеціалисту и у него просить помощи.

Несомнѣнно, выгоднае позиція, занятая «Другомъ». «Другъ» дѣлаетъ отъ пошлости, но въ смыслѣ правильной постановки вопроса о семейномъ очагѣ онъ тоже допускаетъ арпунную ошибку. «Другъ» подомострѣивъ одну, быть можетъ, очень характерную, но все же одну только сценку и пѣснѣвилъ ее обществу.

Это во первыхъ. Во-вторыхъ, «Другъ» вывалъ совершенно фальшивый тонъ въ своемъ обращеніи къ матерямъ.

Всѣ бѣднцы современной семьи «Другъ» относить за счетъ стремленія женонравъ къ эмансипаціи.

Женщина забросала семейный очагъ и стремится къ самоосвобожденію отъ всѣхъ семейныхъ отношеній. Идетъ въ конторы, телеграфы, почту, ет. Нежелая подчиняться вѣхамъ установившимся семейнымъ отношеніямъ, женщина добровольно подчиняется канцеляривму.

На эту тираду «Другъ» получилъ уже отвѣтъ «Женщины», вполне исчерпывающій вопросъ, и я не стану повторяться.

Мнѣ хотѣлось лишь указать на логическую несустраиваемость въ выводѣхъ «Друга», за заключеніе его, совершенно несоотвѣтствующае предисловію.

«Другъ» рисуетъ «семейную» идиллію въ Приволжскомъ вокзалѣ.

Она—не то съ альфонсомъ, не то съ «другомъ» дома.

Она—съ вѣтляу.

Дочъ—съ молодыми людьми, изъ разряда тѣхъ, повидимому, явнотъ, которые несутъ къ ногамъ шантаннхъ субретокъ и свою первую любовь и свои первыя слезы...

Семья, по всѣмъ видностямъ, не нуждающаяся. Семья, въ которой

Все затихаетъ. Еще мнута, и выходить суетъ. Въ обычномъ порядкѣ слѣдуетъ одѣять за другимъ генералъ, подходить къ своимъ кресламъ, но не садятся.

Стоитъ и публика. Наступаетъ напряженная, жуткая мнута. Гробовое молчаніе. Сотни лѣтъ жулутъ.

Пресидѣтель громкимъ голосомъ отчетливо чаетъ: — Заслушаю дѣла генерала Артаболовскаго и другихъ... Прокуроръ низко склоняетъ голову на шпигирѣхъ.

Послушное поддалось въ впередъ, выдвинули шои, вѣнасъ глазами въ пресидѣтля, всѣ обратились въ слухъ... Пржеде всего: — Призваны по суду оправданными. Оправданными только семь человѣкъ, три интентада и четыре тѣлесныхъ служащихъ.

И послѣ этого дальнѣйшее уже понятно... — Приговоръ суровый. — Личные чиновъ, орденовъ—всѣхъ прахъ...

И востраивалось въ лица подсудимыхъ лицъ, вѣрнѣе, сейчасъ уже осужденныхъ,—застыныя оклеветанныя лица.

И генералъ Артаболовскій нахмурилъ брови; капитанъ Шереметевскій—былъ какъ полатно. Пресидѣтель долго перечислялъ фамиліи. — Артаболовскій отдѣленъ столько-то... Артаболовскій отдѣленъ столько-то...

Въ мѣстахъ ладъ публики кто то вскрикнулъ, разъ, другой. Чтеніе приговора закончено. Въ первую минуту никто не двгается съ мѣста. Такъ и стоятъ.

Крикъ въ публикѣ становится громче. Къ нему присоединяется новый голосъ. Крутомъ разнесется шопотъ: — Иди...

Начинается истерика, всегда такъ сильно обующа по нервамъ. Покаяныя растерянности. Никто не знаетъ, что дѣлать.

Всѣ какъ-будто смущены и молчатъ. Къ выходу тянутся пары: осужденные съ женоми. Женя плачутъ. Кто громко, кто тихо. Оты кричатъ: — Что они съ тобой сдѣлали? — И странно, естественно смѣются, слезно и правда смѣются...

— Успокойся... Погоди... Тутъ же съ растерянными глазами начинаютъ, какъ гуляютъ съ отцомъ по корридор

Громадный выборъ издѣлій фабрики.

Техническая контора „СТРОИТЕЛЬНОЕ ДѢЛО“

ПРЕМИИ В. И. ЛЯШКОВСКАГО. 1145. Принимаетъ заказы по сооружению и ремонту зданий съ устройствомъ водоснабженія, канализации, установкой приборовъ и проч.

Американскій контрольный кассовый аппаратъ „НАЦИОНАЛЬ“ „СКЛАДЪ“ „Триумфаторъ“ Представительство Т-ва Т. И. Гагенъ.

Магазинъ и мастерская мужской и дамской обуви Ф. Ф. Подубежинова. БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ собственнаго производства изъ разныхъ цвѣтныхъ заграницныхъ кожъ.

СКЛАДЫ Д. А. ТИССЕНЪ. Предлагаю гг. сельскимъ хозяевамъ: паровыя молотилки перваго Венгерскаго Анціонернаго Общества ЛОКОМОБИЛЕЙ и МОЛОТИЛОКЪ.

Музыкальный магазинъ ЛИРА. Получены въ больш. выборѣ всевозможныя музыка. инструменты. Гитары и мандолины отъ 3 руб., скрипки отъ 2 р., балалайки и гармоніи отъ 1 р. 50 в.

Товарищество „Инженеръ П. Эпель и К-о“. Представительство Гусскаго Электрическаго Об-ва Вестингаузъ. Устройство электрическаго освѣщенія въ домахъ. Полное оборудованіе станціи для освѣщенія и передачи энергии.

РЕКОРДЪ. Сжигаетъ около ПОЛУФУНТА нефти на силу въ часъ. Двигатели всѣхъ размѣровъ имѣются на складѣ. Торгов. Домъ Р. К. ЭРТЪ, въ Саратовѣ.

В СѢ машины и орудія для СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА. С. П. ПЕТРОВА. Саратовское отдѣленіе, уголь Вольской и Б. Касачей ул.

ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО ишпорть машинъ В. А. АНТОНОВА. ТРАНСМИССИИ ШЕСТЕРНИ МАХОВИКИ ФРИКЦИОННЫЯ МУФТЫ. Акціонеры Л. ЮНЪ въ Лодзи.

ИЗЪ прочный и изящный ОБУВИ И. А. ДУЭР. Исполненіе заказовъ точное и аккуратное.

И. Д. ПОПОВА, ПРОИЗВОДСТВО ПАМЯТНИКОВЪ, часовень и оградъ. Всегда громадный выборъ готовыхъ и индивидуальных и въ заказъ.

Кремъ „Метаморфоза“ Т-ва А. М. Остроумова. Даетъ липъ неопытныхъ вскуженъ и загару и желважнхъ предохранитъ кожу лица отъ изв. пожеланія.

Мельнично-строительная и техническая контора А. Е. КИВДСОФТЕРЪ. Саратове, Александровская ул., д. Агафимова. Тел. 98. Имѣется на складѣ масло ВАКУУМЪ-ОЙЛЬ для автомобилей, мотоцикловъ и моторныхъ лодокъ.

ПІАНИНО съ красивымъ тономъ и лучшей конструкціей получены отъ разныхъ фабр. ПРОДАЮ недорого ГАРАН. за прочн. Уголь Вольской и Грошовою, д. 55, у БОБЫЛЕВА. ПРОКЪТЪ ПІАНИНО и РОЯЛЕЙ.

МЕБЕЛЬ СЛУЧАЙНАЯ. дешево можно купить только въ домѣ Клеопатры. на дворѣ. Центральная площадь, противъ Музея. 1437. КВАРТИРА переоборудована въ 5 комнатъ, въ д. 6 д. 2 в. 2, центръ г. р. о. ул. Южная. Театральная площадь, посуда-звм. магазинъ Т-ий Димъ Безруковъ и Кузнецовъ. 4165.

МЕБЕЛЬ варшавская и московская полный выборъ всѣхъ стилей. Предлагаетъ дешевле всѣхъ магазинъ И. Д. ШПИГЕЛЬ. Театральная площадь, домъ Русскаго торгово-промышленнаго банка. 2100.

ТОВАРИЩЕСТВО М. ГЕЛЬФЕРИХЪ-САДЕ въ г. САРАТОВѢ, Московская ул. № 55, ПРЕДЛАГАЕТЪ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ: Локомобили и паровыя молотилки Клейтона и Шуттльворта.

САХАРЪ головной 5 р. 10 к. САХАРЪ пиленый 5 р. 20 к. САХАРЪ колотый 5 р. 40 к. за пудъ. Чайный магазинъ К. К. БУЛКИНА. 3217. Магазинъ готоваго платья мужского и дамскаго Г. М. Пильщикъ ПЕРЕВЕДЕНЪ на Никольскую улицу, въ Архїерейскій корпусъ, рядомъ съ Бестужевымъ.

Гончарно-израцовый заводъ А. И. Гречанинова (бывш. Н. И. Селиванова). Вѣстныя сельской выработки ИЗРАЦА цены на таковой поведены на 25%.

Ювелирный магазинъ И. КРАСНОВСКАГО. Нѣмецкая улица. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ. Бриллиантовые вещи: Кулоны отъ 85 р. до 250 р. Серьги отъ 25 р. до 400 р.

„Курляндскій магазинъ“ Дорожные вещи собственнаго производства. Чемоданы, сундуки, саквояжи, несессеры, портфели и проч. Портмона, бумажники, дамскія сумки.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ ГРАММОФОНОВЪ, ПАТЕФОНОВЪ и ПЛАСТИНОКЪ въ обществѣ „ЛИРОФОНЪ“ Саратовъ, Александровская улица, рядомъ съ гостиницей „Россия“.

ТОВАРИЩЕСТВО М. ГЕЛЬФЕРИХЪ-САДЕ въ г. САРАТОВѢ, Московская ул. № 55, ПРЕДЛАГАЕТЪ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ: Локомобили и паровыя молотилки Клейтона и Шуттльворта.